

Труда, - 1998, - 26 мая, - с. 7

В вашингтонской культурной жизни событие. Так, во всяком случае, говорят о долгожданном возвращении сюда Мстислава Ростроповича маститые музыковеды, так оценивают они его появление после четырехлетнего перерыва на сцене "Кеннеди-центр" у дирижерского пульта Национального симфонического оркестра, который он выпестовал за 17 лет руководства им. За десять дней, проведенных в Вашингтоне, Слава, как его зовут лично и заочно знакомые с ним люди, совершил невероятное: создал, что называется, с нуля два великолепных оркестровых спектакля — "Ромео и Джульетту" и "Пиковую даму", в костюмах, но со

"световыми" декорациями. Репетиции, репетиции — непонятно, когда он спал. Впрочем, Ростропович и в обычное время спит не более четырех-пяти часов, так что трудно было прежде всего остальным участникам праздника. Но он все-таки выкроил время для интервью корреспонденту уважаемого им "Труда" — по ходу репетиций "Пиковой дамы". И мы побеседовали в соседнем, свободном в этот час зале. Передаю этот разговор так, как он происходил, обращение на "ты" — это не стремление выпатить журналистское "я", просто так давно сложились наши отношения...

— Слава, начну с полумистического вопроса. Опять у снимающих тебя фоторепортеров, к их конфузу и удивлению, откладывали прекрасно до того работавшие фотовспышки. У тебя что, какое-то особое энергетическое поле?

— Черт его знает, действительно что-то такое происходит с этими самыми вспышками. Но это уж пусть ученые разбираются, вдруг, глядишь, какое-то открытие сделают.

— Ну хорошо, перейдем к земным проблемам. То, что ты въехал в Вашингтон триумфатором, известно всем, а как ты встретился с оркестрантами? Ты же знаешь, что кое-кто из них после твоего отъезда кидал тебе вслед камни — то ли сводил мелкие счеты, то ли угождал новому главному дирижеру. Как они смотрели тебе в глаза?

— Господи, неужели я стану обращать внимание на такие мелкие пакости? Никогда этого не делал. А встреча была сердечная, некоторые аж плакали, я в том числе. Больше не хочу об этом, а то опять слезы начнут капать.

— Как ты считаешь, оркестр сохранил свой класс?

— Видишь ли, хороший оркестр звучит так, как "звучит" дирижер. Я доволен, а о прочем судить слушателям. Скажу честно, вчера на приеме я был очень растроган, когда нынешний руководитель оркестра Леонард Слаткин сказал в своем тосте, что нужно так сделать, чтобы мы с ним оба вместе руководили НСО. Это невозможно, с Вашингтоном я навсегда распрощался, нынешняя моя свобода мне дорога, но слышать это приятно.

— Попутный вопрос. У тебя на репетициях все время стоит хохот — ты своими шутками творческий настрой не сбиваешь?

— Да что ты! Наоборот. У артистов от этого тонус поднимается, это уж пусть кто-то другой мрак разводит, а моя манера им давно известна.

— Все привыкли, что maestro Ростропович периодически удивляет чем-то небывалым — если не грандиозным концертом на Красной площади, то довольно-таки вольной оперой Шнитке. Поделись, пожалуйста, с читателями газеты, какой еще сюрприз ты готовишь.

— А вот эти два действия — "Ромео и Джульетта" и "Пиковая дама", между прочим, тоже явление, не имеющее аналогов: спектакли, поставленные вокруг полного оркестра, без музыкальных и текстуальных купюр, неизбежных в обычных постановках. Плюс мой собственный концерт, включавший сложнейшую вещь Губайдулиной. И сделаны они всего за десять дней, после того как я прилетел с Тайваня. Это сумасшедшая работа, теоретически ее выполнить было невозможно. Но — выполнили, и я очень счастлив.

Дальше все расписано по дням надолго вперед. Но главное, чем я сейчас занят, — фестивалями Шостаковича. Понимаешь, как ведь вышло, где-то в 60-х годах мы с ним сидели, говорили, и я ему сказал, что хотел бы сделать фестиваль его музыки. Он спросил, сколько концертов я хотел бы включить, и я ответил: шесть симфонических и пять камерных. И попросил, чтобы он сам составил программу. Шостакович тут же взял и написал. Но тогда ничего не получилось, и вдруг недавно я обнаружил в своем архиве эти листки. И, поверь мне, буквально гусиной кожей покрылся: как же я мог забыть, это же его завещание! Первый фестиваль я организовал в Петербурге, в программке была факсимильно воспроизведена эта рукопись Шостаковича. Следующим этапом стал Лондон, в феврале прошла первая половина фестиваля, куда "завещание" вошло лишь как часть. Успех был немалым, публика валом валила. Ты знаешь, на сегодняшний день Шостакович, по моему, — самый любимый композитор у англичан. Вторая половина лондонского фестиваля — в октябре. А сразу после Лондона я полетел в Токио, играл камерную музыку Шостаковича с Башметом и Венгеровым.

— А как насчет российской аудитории?

— Ближайшие этапы такие: Нижний Новгород, Самара, Оренбург. Потом, в июне, Баку и — Москва. Там девятнадцатого в Большом зале консерватории мы будем вручать премию "Глория", которую присудили "артистам года" — скрипачу Максиму Венгерову и певцу из Лондона Роберто Аланья, невероятно популярному. А премия за достижения жизни присуждена Альфреду Шнитке, человеку и музыканту просто феноменальному. Перенеся четыре инсульта, лишившись речи, он написал свою 9-ю симфонию, мировая премьера которой как раз и состоится в Московской консерватории. Герой, просто герой... Ну и параллельно всему этому — Страсбург, Лугано, Цюрих, Париж и так далее.

— Наталья Дмитриевна Солженицына как-то сказала про тебя: "Слава живет в самолете". Похоже на правду.

— Что поделаешь, но я не жалуюсь.

РУСЬ, КУДА НЕ СЕШЬСЯ?

ОТВЕТ НА ВЕЧНЫЙ ВОПРОС ДАЕТ МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ

Фото Александра ИЗОТОВА

— К слову, а как твои отношения с Александром Исаевичем? Видишься с ним?

— Отношения прекрасные, как и были. Когда можем, видимся, чаще говорим по телефону. Горжусь, что имею такого друга. У нас, к сожалению, есть манера забывать людей, давать имсиюминутную оценку. А таким величинам, как Солженицын и Сахаров, можно только поклоняться, их вклад в то, что красное ярмо сброшено, не оценим и не подложит никаким ревизиям. Они — гордость России на все времена. А Саню я просто очень люблю. И в честь его 80-летия устрою достойный его концерт, обязательно.

— Ты как-то обошел вниманием Большой театр. После "Хованщины" у тебя там что-то намечается?

— У меня ничего не может намечаться с людьми, которые так неуважительно относятся к тем, кто с ними работает. Расписание у меня составлено чуть ли не по минутам, я приезжаю, а они берут и переносят день спектакля, даже не соизволив меня об этом предупредить. Вот тебе один пример, а больше говорить на эту тему у меня нет желания. Могу только добавить, что я совершенно не удовлетворен их репертуаром. Мне непонятно, почему нельзя было к 90-летию Шостаковича поставить "Леда Макбет Мицковского уезда", что, между прочим, было бы связано с еще одним "юбилеем" — 60-летием изгнания этой оперы именно со сцены Большого театра. Я бы с радостью взял тогда за ее возобновление, но — увы...

— Вы с Галей больше проводите времени в российской глубинке, чем в столице. Какое у тебя о ней впечатление?

— Ты знаешь, я думаю, что возрождение российской жизни пойдет оттуда, из глубинки. Там я встречаю замечательных людей, которые не одержимы мыслью любым путем разбогатеть. Они одержимы идеей создать в стране нормальную жизнь. Беда-то ведь в том, что массу людей советский строй отучил работать. Я чрезвычайно уважаю писателя Виктора Астафьева. Так вот, он приехал в одну деревню, которую уже видал, и видит, что люди действительно почти голодают. И говорят ему, что, мол, кормов для скота больше не присылают. Он им указывает: да вот же замечательные луга, скосите и живите себе на здоровье. Нет, им подай комбикорма. А хуже того, если вдруг кто-то начинает жить иначе, по-новому, ему и петуха в хозяйство могут пустить, я такие случаи знаю. Инерция и зависть — страшное сочетание. От зависти революции происходили. Да вот со мной самим случай. В Петербурге я откупил большое помещение, расселив ютившихся в каморках людей в отдельные квартиры. Мне это нужно, чтобы перевезти в Россию накопленный за годы эмиграции ценнейший архив, отражающий историю русской культуры. Это то, что останется не моим наследником, а всем россиянам. Однажды я сижу там ночью, работаю с документами, вдруг снизу звонит охранник: спуситесь, пожалуйста, тут у нас ЧП. Спускаюсь — оказывается, какой-то мужчина взял и лопаткой разбил несколько окон хранилища, хотя стекла там особо прочные. Спрашиваю: "Зачем, что я вам плохого сделал?" Он подумал и отвечает: "Из зависти". Вот тебе и все. Ну я попросил его отпустить. Но пока

мы от такого отношения не излечимся, пока не перестанем завидовать соседу, вместо того чтобы самим работать, страна не возродится. Но, как я сказал, ростки вот этого нового отношения я вижу именно в глубинке — в самарских, нижегородских, оренбургских краях.

— Слава, ходят легенды о вашей с Галей близости к семье Ельцина. Да, собственно, ты сам их укрепляешь, заявляя с телеэкрана, что "президент дал мне слово не выходить на работу, пока окончательно не избавится от простуды". Для этого действительно нужны близкие отношения. Я понимаю, вы с ним вместе сидели в осаде в московском Белом доме в августе 91-го, но все эти безобразия, которые творятся сейчас, — цветущая пышным цветом коррупция, невыплаты зарплат и так далее, все это не заставило тебя в нем разочароваться? Я ведь хорошо знаю и твою, и Галину способность очень резко выражаться о любой власти.

— Да, я по-прежнему считаю Ельцина гарантом свободы России. Гарантом. Да, творили много безобразий, но один президент за это отвечать не может. Он делает вот что: он старается выстроить систему, которая бы работала, работала на огромном российском пространстве. Это пока получается не очень здорово, но он честно старается добиться такого результата. Мне понятен его выбор — молодой Кириенко, который честно говорит, чего можно и чего нельзя ожидать, который не обещает молочных рек и кисельных берегов. Нет, милый мой, строить приходится заново, на вытоптанном месте. Это адская задача, но я повторяю: Ельцин — гарант того, что строительство будет идти по направлению к цивилизованному обществу, а не вспять...

— Ладно, давай о российских проблемах с другой стороны. Ты как можешь помогаешь их решать и в чисто практическом плане уже несколько лет. Можно подвести какие-то итоги?

— Можно. Мой фонд, куда я собираю деньги откуда только могу, уже вложил в России больше восьми миллионов долларов. И я знаю точно, на что, куда пошел каждый доллар. И опять же не повезло с Москвой. Помнишь, я там начал дело с Морозовской больницей? Флигелек там хотел оборудовать для детей по последнему слову медицинской техники. Они мне говорят: давайте нам три миллиона долларов, мы сами все сделаем. Тогда я пошел к главному строителю Москвы и попросил дать реальную оценку стоимости работ. А он говорит: да мы бесплатно дом восстановим, вы только дайте оборудование. И тут же у администрации больницы интерес ко мне пропал, вот так-то. Им не новый корпус был нужен, а доллары. Но зато в Питере, в Нижнем Новгороде, в других местах все идет как надо.

— И последнее, о чем хочешь тебя спросить. Вот ты едешь по России-матушке, видишь множество самых разных людей. Куда все-таки, по-твоему, летит птица-тройка?

— А ты знаешь, я ведь пророк, я ведь предсказывал, что коммунистический режим рухнет, и он рухнул. И я могу точно предсказать и теперь: Россия придет к расцвету. Трудным, ухабистым путем, но — к расцвету.

Беседу вел Виссарион СИСНЁВ, соб. корр. "Труда".